

«Покой всё вместившей души»

В статье «Устами поэта», первой работе о творчестве Миркиной, Григорий Соломонович писал: «Поэзия священной глубины - одна из вершин всякой великой культуры. Она не заменяет и не отменяет других путей в глубину, но и они ее не могут заменить». Так Померанц, этот интеллигент-мудрец, сразу же защитил стихи Зинаиды Александровны от любого невежественного прочтения, в том числе и от интеллигентского невежества.

В сборнике «Открытая дверь» есть такое стихотворение.

***

Я знаю – заря разгорится.
Но, может, важнее, чем свет,
Его перешедший границу
Вдали угасающий след...

Вот тот, в чем все образы тонут.
Вот тот, в чьей блаженной глуши
Впадаю в безмерный, бездонный
Покой всё вместившей души.

Разве может быть для Миркиной что-то важнее образа света? Оказывается, может. Угасающий, почти теряющийся Его след. То, что уже не выразить никакими словами, то, перед чем бледнеют любые образы. В этом следе тонут все формы и концепции, а, значит, все построения ума. «Бога не видел никто и никогда» (Ин. 1:18). И в этой бесформенности и бездонности душа обретает покой. Но не тот покой, который является синонимом расслабленности и апатии,

равнодушия и конформизма, беспечности и самодовольства. Речь идет о таком покое, который вмещает в себя все беспокойства мира, всё беспокойство ума. Потому что мир и ум - это часто одно и то же. Покой, о котором говорит Миркина, обладает энергией дней творения. Эта такая сила, которая позволяет *быть* всему, вмещает в себя всё. Это покой недр Отчих. Описать подобное состояние Духа невозможно. И, все-таки, какие-то слова, очень приблизительные, могут указывать в сторону Невыразимого.

Впадаю в безмерный, бездонный
Покой всё вместившей души.

Душа в состоянии великого покоя не просто вмещает в себя всё, она срывает маски со всех живых существ и даже с самой себя. Именно так душа обнаруживает единую основу всего сотворенного. Именно так душа прозревает всякую тварь до ее Творца или до того безначального Покоя, из которого вышли все вещи, и в котором они скроются.

Среди европейских знатоков дзен-буддизма Григорий Соломонович выделял британского философа Алана Уотса. Уотс напоминает нам, что даже наилучшее из всех описаний высшего состояния души, не может быть исчерпывающим. Британский буддхисаттва свидетельствует: «...в тот самый миг, когда «последнее слово» уже «готово сорваться с языка, язык как бы отнимается, и остается либо нести околесицу, либо замолчать».

Зинаида Александровна как никто знала цену безмолвию или *недоговоренности*, но она никогда бы не стала нести околесицу. Путь дзенского парадокса не очень свойствен русской культуре, хотя мандельштамовское: «В сухой реке пустой челнок плывет», - это тоже мы. «Разгоревшаяся заря», свет как образ гармонии ставится Миркиной на второе место. Свет как одно из имен Бога не должен заслонять собою То, что возможно увидеть только внутренним зрением. Воскресшего Христа апостолы видели сердцем. Разгоревшимся сердцем. Об этом прекрасно сказал Сурожский: «Мотовилов смотрел на

Преподобного Серафима, как апостолы на воскресшего Христа. Иисус говорил ученикам теми же словами, что и старец Мотовилову: «Вы сами теперь в полноте духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть». И помещик Мотовилов, и ученики Христа видели то, чего глазами увидеть нельзя - внутренний свет, Свет, который померкнуть не может.

Быть в полноте духа, видеть незримое, это и есть причащаться покою всё вместившей души. Возможно ли это? Да, возможно. По силам ли нам это? Да, по силам.

***

Как можно выдержать распятие
Не *на* кресте, а у креста?
Чьих сил, чьего смиренья хватит
Увидеть мертвого Христа?

Того, Кто был тебе дороже,
Чем жизнь, – и вот Он глух и нем.
И только что воскликнул: «Боже!
Ответь мне, Отче мой, - *зачем?!*»

Как можно видя, слыша это,
Остаться все-таки живым
И вдруг постигнуть смысл ответа,
Хоть он умом не постижим?!

Иисус сейчас у мира в трюме,
И дни закончили свой бег.
Да, человек сегодня умер,
Но Он - *не только* человек!

Ты за душой Его любимой
Пройдешь сквозь бездну пустоты,
Но будет путь преодолимым
Затем, что ты – *не только* ты.

Ты – не только ты. Нам отмеряно Божьей мерой. Об этом все стихи Миркиной. Все что от нас требуется – войти в эту меру.

Одним из символов XX века является, на мой взгляд, «Поле Куликово» Александра Блока. Заканчивается стихотворение так.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

Степная кобылица и должна нестись вскачь. Историю остановить невозможно. Это прекрасно понимал и Блок, и Бердяев. Но это не значит, что покой должен нам только сниться. Снится как раз-так история. А «покой всё вместившей души» – это то, что ЕСТЬ. Но нужно пробудиться, чтобы открыть

для себя самое естественное состояние сердца – глубокий деятельный созидательный покой.

Зинаида Александровна рассказывала, как в молодости к ней пришла ее лучшая подруга и сказала: «Мама умирает». Эта женщина чем-то очень сильно отравилась. Они ухаживали за нею всю ночь. Подруга была в отчаянии страшном, а Зинаида Александровна делала все, что нужно, - меняла простыни, подавала лекарство, не спала, но вдруг ощутила какой-то глубокий покой и состояние Божьего присутствия. И потом подруга сказала, что именно это ее и спасло, именно это помогло ей духовно не сломиться. Они выходили ту женщину, но не только какими-то действиями. Они ее выходили покоем, выходили состоянием, состоянием Зинаиды Александровны.

Один мудрец сказал: «Самое лучшее, что вы можете сделать для другого человека - это привести в порядок свой собственный дом и найти свое истинное духовное сердце».

У легендарного древнеиндийского царя Рама, который является воплощением Бога на Земле, десятиголовый демон Равана похитил жену. Демон нанес удар в самое сердце, ничто не могло утешить любящего мужа: Рама рыдал и причитал как женщина, но в качестве Бога он был абсолютно спокоен. Возможно ли такое? Да, возможно, если связь с Источником жизни не рвется.

Мейстер Экхарт в своих проповедях приводит метафору, которая поразила меня на всю жизнь. Он уподобляет крюк, на который навешана дверь – незыблемому покою, неподвижной отрешенности, «внутреннему человеку», а саму дверь, которая беспрестанно хлопает, - страстям человеческим, «человеку внешнему». И в нас есть всё. Человек – это и крюк, и дверь, но, все-таки, больше - крюк.

«Кто-нибудь мог бы спросить: «Обладал ли Иисус Христос неподвижной отрешенностью, когда говорил: «Моя душа скорбит смертельно»? А Мария, когда Она стояла у креста? И ведь много говорят о Ее жалобе. Как же это все совместить с неподвижной отрешенностью? – спрашивает Экхарт и сам же отвечает: -«Внутренний человек Христа был все время в неподвижной

отрешенности». Экхарт, взывая к состоянию «отрешенности», словно бы уподобляет Христа Будде, почувствовав на бесконечной глубине связь между ними.

Перед самым уходом Зинаида Александровна искала точку внутреннего равновесия, «точку Будды», как она сама это называла, точку покоя. И в часы полной собранности и открытости она находила глубинное равновесие, хотя сделать это было все труднее и трудней.

Как-то она сидела в кресле и смотрела на витраж со Святым семейством, за которым горела свеча. Я привез его из Шартра. Это был один из тех простеньких и трогательных сувениров, которые продаются в лавке при храме. Маленький Иисус, а над ним - соприкоснувшись нимбами, Мария и Иосиф. Зинаида Александровна на двадцать минут превратилась в зачарованного ребенка. Казалось, что болезнь отступила. Ничего не было кроме этой свечи, силуэтов и разлитого в комнате покоя. Ее дом, ее ум все в ней было приведено в порядок. И по истечению двадцати минут родился стих. И она снова помогла миру. Она помогла Богу, разделив с Ним Его ношу, а Бог незримо помог ей. Стих этот появился прямо на моих глазах.

***

И от людей остался Свет,
И больше ничего.
И это весь Святой Завет,
Весь тайный смысл его.
Он нас от тьмы крошечной спас,
Он эту тьму прожег.
И тихо светится сквозь нас -
Непостижимый Бог.

Я должен это засвидетельствовать, потому что я знаю, как ей было худо, и я видел как человек, соединившись со своим истинным сердцем, преодолевал

земные законы. Но на этом история не заканчивается. Конечно, она устала, легла. А на следующий день, она даже и не вспомнила об этом стихе, об этом маленьком чуде. Пришли новые испытания и пришли другие стихи, из них и состоит «Открытая дверь», а это стихотворение сохранилось только в моей памяти. Разумеется, я включил его в книгу.

Сколько же в ней еще оставалось любви и благодарности!

Перед ее постелью стояла репродукция иконы Богоматери. Полное название иконы «Богоматерь из деисусного чина». Взгляд Заступницы кроток и сострадателен. Ее руки и склоненное лицо образуют удивительный круговой ритм. Глядя на Заступницу, Зинаида Александровна сказала: «Это моя душа». Если и существует зрительный образ «покоя всё вместившей души», то для меня это отныне Зинина Богоматерь.

Покой горы, идущей в облака,
Я чувствую, как мира тайный Стержень...
И вот уже незримая Рука
Меня в ничем, как звезды – в небе держит.

Индийский святой Шри Рамана Махарши говорил: «Ваш долг -Быть, а не быть этим или тем». Как это применять на практике? «Быть спокойным», - отвечал он, и добавлял: - Любое имя и форма являются причиной волнения».

Когда незримая Рука держит тебя в ничём, то кто ты сам? *Ничто* и *всё*. Однако, что это значит, если перестать говорить отвлеченно? Это значит, что у тебя есть имя и форма, возраст и профессия, национальность и родной язык, гендерная и культурная идентичность, но они уже не являются причиной для волнения. Когда незримая Рука держит тебя в ничем, «обретается свобода действий, не оравленная озабоченностью», как выразился бы последователь Будды.

И все-таки, что же это значит быть *ничем* и *всем*? Здесь бы нужно замолчать. Просто в тишине побыть с *этим*...

Ты – *ничто*, то есть ты ни есть что-то конкретное, ты не цепляешься за свое имя и форму, но ты позволяешь им быть. Так погружают ладонь в ручей и позволяют воде проходить сквозь пальцы. Так позволяют туману застилать взор, а потом ему позволяют рассеяться. Где здесь место для личной драмы? Вода проходит сквозь пальцы, туман рассеивается, мы становимся старше. О чем беспокоиться? Господи, не упустите этот момент! Вода проходит сквозь пальцы, и мы становимся старше. Ведь это так красиво!..

Ты – *всё*, то есть то, что присутствует постоянно, что вечно, над чем старость не властна, а значит, твой взгляд устремлен к Источнику, к неиссякаемому Источнику всех вещей, к тому урочищу, где ручей зарождается. Когда ты смотришь в сторону Источника, нет место безобразному. И эта вторая красота, красота вечного, превосходит первую – красоту преходящего, но, все-таки, они союзны, между ними нет противоречия.

Пока ты стремишься к обладанию, ты страдаешь. Нельзя обладать тем, что сделано из тумана. Но можно быть местом, в котором туман создает все вещи. Можно стать колыбелью тумана. Однако как только мы облечем в слова то, что не поддаётся описанию, мы примем изменчивое за вечное, иллюзию – за Истину. Это понял Будда и нашел лучший способ передать свое учение – он мало говорил. Вместо того, чтобы выдать словесную формулу просветления, он протянул цветок своему ученику Махакашьяпи. Или заслушивался пением соловья, а потом вдруг говорил, что проповедь окончена. А почему бы и нет? Ведь он обрел равновесие, покой, всё вместившей души.

Алан Уотс в книге «Путь Дзен» пишет: «чем более человек цепляется за жизнь, тем она больше меняется. Сама по себе реальность ни постоянна, ни изменчива - она не подвластна определению. Но когда мы пытаемся удержать ее, во всем обнаруживается изменчивость; здесь как с тенью: чем быстрее догоняешь, тем быстрее она от тебя убегает».

Удивительно, но для описания одного единственного переживания иногда требуется выработать новый язык. Он похож на язык общеизвестный, и кажется даже понятным, но на самом деле, если ты не пережил ничего подобного -

объяснять нечего. Объяснение тебя только запутает. Вот почему ливанский поэт Халиль Джебран признался: «Половина из того, что я говорю – бессмыслица, но я говорю это затем, чтобы вторая половина дошла до тебя». А Григорий Соломонович так на это откликнулся: «Святые Писания – попытка передать словами несловесный поток истины».

Итак, быть *ничем* и *всем*, это значит просто Быть. Современный учитель недвойственности Руперт Спайра уточняет: «Знай себя как ничто, чувствуй себя как всё».

Образ двери, открытой двери, как Пути к Богу и Встречи с Ним, Зинаида Александровна разрабатывала давно.

***

Свет проколол меня насквозь!

И где-то пламя занялось –

Разлив закатного огня,

Но он пролился сквозь меня...

И я не ведаю теперь,

Что в сердце – рана или дверь?

Смысл высший неисповедим,

Но сердце сделалось сквозным.

Мы говорили о покое, об умиротворяющей заре, о «блаженной глуши», и вдруг – рана, «разлив закатного огня», огонь посядающий. Почему рана? Почему если Бог, то непременно – рана?..

К сожалению, очень часто отношения между теми, кто живут бок о бок, строятся на эгоистической привязанности. Отсюда взаимные претензии, непонимание, боль. Что вы чувствуете, когда смотрите на высотку, занимающую полквартила? Как-то я поймал себя на том, что не могу дух перевести. Сколько же собрано под одной крышей семейных драм, личных трагедий! Сколько детей

недолюбливаю, сколько стариков заброшено, сколько людей, находящихся в расцвете сил, изводят себе всеми доступными способами. Фасад дома покрыт нарядной плиткой, а за фасадом кипят адские котлы неудовлетворенных амбиций и смертельных обид. О каком покое в этой многоэтажке, на этой планете может идти речь? Но в доме обязательно живет праведник. И я ищу его окно. Оно ничем не отличается от других окон. Праведник может поселиться везде. И вот еще что. И это очень важно. В каждой семье, в каждой квартире, в каждой комнате есть место, не тронутое адом. На подоконнике котенок спит; под столом ребенок играет; кларнетист, отыгравший на похоронах, пишет на кухне ораторию «Все люди братья»; молодожены помирились, пенсионер дал себе слово целый день не включать телевизор; подросток простил свою мать, которая не простила его отца. Почему люди расходятся это, вроде бы, понятно. Но вот почему люди соединяют свои жизни? Вот вопрос. Как они оказываются под одной крышей?

Часто это происходит потому, что рана прикладывается к ране. Это могут быть похожие раны, похожие обиды и неурядицы или обиды, не имеющие на первый взгляд ничего общего. При таком союзе исцеления не происходит. Ты был уязвлен? Тебе было плохо одному? А теперь вам плохо вдвоем. Рана к ране – и жизнь не в радость. Да и была ли она когда-то - радость?

Бог действует иначе, хотя и очень похоже – рана к ране. Это удивительно подметил Сурожский: «Мы привиты к живой маслине (Рим 11:17), мы как умирающая ветка, которую садовник вдруг обнаружил и хочет привить, с тем чтобы она снова жила».

Далее Владыка описывает как это происходит. Садовник отсекает ножом слабый росток, который пустил корни в бедную почву, идет к маслине, этим же ножом надрезает ее и рана к ране присоединяет умирающий росток к животворному стволу. И вся жизнь, все жизненные соки ствола начинают пробиваться в росток. «Но помните, - повторяют Сурожский – рана к ране. Христос-дерево тоже изранено, чтобы оно могло соединиться с ростком».

Не потому ли Миркина признается:

И я не ведаю теперь,
Что в сердце – рана или дверь?

И мы не ведаем. Но через эту небесную рану в нас вливается покой, через эту дверь в нас входит глубокая жизнь. И только *этим* покоем, только *такой* жизнью можно закрывать наши раны. Иначе мы их будем только растравливать.

Сначала нужно забыть себя, не цепляться за бедную почву, не доказывать нас истощающую правоту. Не цепляться к словам, разжать кулак и отпустить мысль, которая нас измотала – пусть идет себе куда шла. Ведь это всегда одна и та же мысль: «Почему меня никто не любит?» И ходит она всегда одним маршрутом. Так не становись у нее на пути. Но как? Что для этого нужно сделать? Ничего. Ничего – это значит глубоко вдохнуть и ощутить внутри себя то место, куда ляжет зернышко покоя. Пусть наша душа еще не способна вместить всё. Пусть соки животворной маслины еще не пробились в душу, но мы уже перестали быть вялым умирающим ростком.

На свете столько тайн, всё является тайной. И бесконечно радует то, что разгадываются эти тайны нашей жизнью - другие приспособления не нужны. Все ответы лежат в области того опыта, с которым сталкивается каждый. Ты не знаешь, что такое нирвана? Конечно, знаешь. Как только перестаешь цепляться за жизнь, «захватывать» ее и начинаешь просто жить – ты в нирване. Захочешь описать нирвану, чтобы присвоить ее, и прощай то, на что поспешил навесить ярлык. Как ты можешь удержать жизнь? Запрещь ее в голове? Попробуй, и голова взорвется. Главное ускользает от определений, но оно есть. Пустяк, надувший щеки, поддается детальнейшему описанию, но его не существует. Голова очень любит пустяки, потому что их легко раскладывать по полочкам. Но вот приходит главное, покой всё вместившей души и - сметает все полки. Покой подобен урагану, который вырывает с корнем вековечные заблуждения. Покой расчищает место для свободного дыхания, в котором нет цепляния за свое «я».

В лекции, которая называлась «Я» без скорлупы», Григорий Соломонович описал увиденный им сон. «Я плыл в озере или море золотого света. Берега не

было видно. Я знал, что не доплыву до другого берега, что я потону, но почему-то меня это глубоко радовало. Плавание было блаженным, и блаженным казался конец, слияние с чем-то высшим, чем я; но торопить этот конец почему-то нельзя было. Что все это значит? Может быть, другой берег - это еще одно рождение, а море золотого света - образ «Ты», к которому стремится «Я»?

Почему же нельзя торопить конец? Конец нашего малого, эгоистического «я»? Потому что всему свое время. И если час еще не пробил, не нужно себя презирать или ненавидеть за неготовность. Вот почему буддийская монахиня Пема Чодрон напоминает: «Не имея бесконечного дружелюбия к самому себе, далеко не продвинешься». Мейстер Экхарт сказал, что хотя Бог и всемогущ, Он все же может действовать лишь там, где находит готовность или Сам создает ее.

Вернемся к сновидению Померанца. Нам просто надо впустить в сердце золотой свет, и малое «я» само растворится в нем. А когда и как – не наша забота.

А Свет!.. О Господи, да это
Есть сам преображенный Спас.
Себя препоручите Свету –
И Он все сделает за вас.

«Переворот в глубочайших пластах сознания» не может быть осуществлен нашим эго, которое привыкло все контролировать и «продавливать». Как можно «продавить» просветление? Алан Уотс пишет: «В этот миг всякое чувство принуждения исчезает, чувство напряженности вдруг слетает, и кокон, которым шелковичный червь обмотал себя самого, рвется, чтобы выпустить его свободным, - крылатым мотыльком».

Не проводя абсолютной параллели между «христианским познанием Бога» и дальневосточной мудростью, Антоний Сурожский не гнушался приводить в своих проповедях буддийские притчи. Вот одна из них. Она взята из его книги «Молитва и жизнь», но я перескажу ее коротко, как это сделал Энтони де Мелло.

Кукла из соли пропутешествовала тысячи миль и остановилась на берегу моря.

- Кто ты? - спросила она у моря.

- Иди сюда, и сама увидишь, - с улыбкой ответило оно.

Кукла вошла в воду. Чем дальше соляная кукла шла, тем больше растворялась, пока от нее не осталась лишь одна щепотка. За мгновение до полного исчезновения она с восторгом воскликнула:

- Теперь я знаю, кто я!..

Мне хочется закончить стихотворением из «Открытой двери», которое, быть может, является ключом к поэзии Миркиной. Хотя каждый ее стих – это ключ. Ключ к двери, которая не заперта.

***

Вся правда в том, что я – не только я.
И, как огонь свирепый ни усердствуй,
Над смертными беспорна власть твоя,
Но правда в том, что я не только смертна.

Срывает ветер старую листву,
И вновь возьмет ее земля сырая.
Но есть во мне Тот, для Кого живу
И за Кого сегодня умираю.

Есть Тот, Который встанет из огня
И распахнет бессмертную обитель.
И если вправду любите меня,
То лишь Его во мне самой любите.

Того, в Котором сожжены грехи,

Того, в Ком правда смертная ослепла.

И то, что вы прочтете, – не стихи,

А только То, что восстает из пепла.

Да, это не стихи в общепринятом смысле. И это не что-то конфессиональное. Это – духовное учение, не имеющее порта приписки. Оно пропущено через вселенское сердце мистика и, к нашему величайшему счастью, изложено на русском языке. Оно представляет собою поэтическое высказывание высочайшей пробы, оно встроено в культурную традицию и потому столь открыто. Нет ни одного непонятого, специального слова. Но ведь таким и должен быть перевод с Божественного на человеческий, если переводчик пропускает через себя Свет, и сам, но не по своей воле, становится Светом.

Февраль, 2019

